

УДК 821.111.09-311.6+929 [Мантел+Кромвель]

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНАХ ХИЛАРИ МАНТЕЛ О ТОМАСЕ КРОМВЕЛЕ

© И.В.Кабанова

Романы Хилари Мантел о Томасе Кромвеле анализируются как панорама английской Реформации в правление Генриха VIII. Образ главного героя раскрывается как воплощение кризиса религиозного сознания и становления нового, раннебуржуазного отношения к делам религии и церкви.

Ключевые слова: Хилари Мантел, Томас Кромвель, религиозное сознание, церковь.

Ведущий современный британский прозаик Хилари Мантел (Hilary Mantel) (р. 1952), известная у нас пока по двум переводам [1; 2], опубликовала первый из своих одиннадцати романов в 1985 г. и сразу попала в поле зрения ценителей английской прозы. Мировая слава обрушилась на нее с публикацией первого романа о Томасе Кромвеле «Волчий зал» (*Wolf Hall*, Букеровская премия 2009 г.). Казалось бы, современная мода на историю Генриха VIII, английской Синей бороды, эксплуатация тюдоровских сюжетов в современной массовой культуре¹ затрудняет создание на этом материале высокого произведения искусства, но Мантел это удалось. Продолжением «Волчьего зала» стал роман «Подать тела» (*Bring Up the Bodies*, Букеровская премия 2012 г.) [3], причем председатель жюри на вручении премии сказал: «Мы гордимся тем, что читаем на английском языке в то время, когда она на нем пишет. За последние годы я не знаю ни одного другого писателя, который столь совершенно контролировал бы то, что он делает, подобно певцу или пианисту» [4]. Запланирован выход завершающей части трилогии о Кромвеле – «Зеркало и лампа» (*The Mirror and the Lamp*).

В центре исторической прозы Мантел – проблема личности как объекта и субъекта власти. Автор опровергает традиционное в английской литературе представление о Томасе Кромвеле как о главном злодее английской Реформации [5] и представляет его скорее положительным героем [6]. Рассмотрим, как в романах на материале

истории английской Реформации автор изображает религиозное сознание эпохи.

Основное действие «Волчьего зала» начинается в 1527 г. с утраты кардиналом Вулси, наставником Кромвеля, королевского расположения и заканчивается летом 1535 г. казнью сэра Томаса Мора, отказавшегося признать парламентские акты о престолонаследии и супрематии короля над церковью. Сюжет вращается вокруг хитросплетений личных и общественных интересов персонажей в борьбе за влияние на короля. Действие во втором романе занимает сентябрь 1535 г. – июнь 1536 г. и завершается казнью королевы Анны Болейн. Сюжет сосредоточен на противостоянии Анны и Кромвеля, который в первом романе сыграл ключевую роль на ее пути к трону.

Необычность исторического повествования в романах о Кромвеле состоит в точке зрения на изображаемое – повествование ведется не с временной дистанции, а в настоящем времени, что создает ощущение непредсказуемости, непредопределенности будущего, его зависимости от принимаемых персонажами на глазах читателя решений. Как говорится в «Волчьем зале», «все исходы возможны, все исходы управляемы, каждый можно повернуть в удобную сторону; молитвы и давление, давление и молитвы, все идет по Божьему плану, и Вулси может вносить в этот план необходимые маленькие коррективы» [2: 40].

Концепция изображаемой эпохи у Мантел близка концепции виднейшего историка Тюдоров Джеффри Элтона, который в 50-е гг. XX века впервые выдвинул взгляд на Томаса Кромвеля как на создателя современной бюрократической государственности, пришедшей на смену средневековым «домам» феодалов [7; 8]. Кромвель, по сути управлявший Англией с 1532 по 1540 гг., освободил королевскую власть от контроля со стороны Рима и ослабил церковь как соперничающую с королем силу, упрочил власть парламента, способствовал стабилизации страны,

¹ Только в XXI веке: телесериал «Тюдоры» (2007 – 2010), множество популярных биографий, серия из 5 криминально-исторических романов К.Дж.Сэнсома и 11 романов с Анной Болейн в качестве центральной героини: серия Филиппы Грегори о женах Генриха VIII (*The other Boleyn Girl*, 2001; *The Constant Princess*, 2005; *The Boleyn Inheritance*, 2006); Meyer, *Caroline Doomed Queen Anne*, 2002; Dunn, *Suzannah The Queen of Subtleties*, 2004; Gardner, *Laurien Lady Raised High*, 2006; Byrd, *Sandra To Die For: A Novel of Anne Boleyn*, 2011 и др.

подъему ее благосостояния и международного авторитета. Томас Кромвель у Мантел – сын кузнеца из Патни, бывший солдат-наемник, купец, банкир и законник – всю свою энергию бросает на укрепление династии Тюдоров как гаранта предотвращения повторения междуусобных гражданских войн между феодалами, память о которых еще жива в народе. Образ Кромвеля проливает свет на все ключевые противоречия эпохи, в том числе на религиозные конфликты. Позиция главного героя относительно религии и церкви характеризует его как человека будущего, человека буржуазного склада.

С одной стороны, «Кромвели – образец набожности и правоверия. Мы не должны вызывать нареканий, – говорит он» [2: 111]. Правоверие в 1527 г., когда герой произносит эти слова, означает верность католичеству и борьбу с распространяющимся в Англии евангелизмом. Но во втором романе, когда папа уже отлучил Генриха от церкви, противоборствующие стороны меняются местами: сторонники евангелизма одержали верх, и теперь уже преследованиям подвергаются паписты. Каждая сторона утверждает, что обладает Божьей истиной. Дела церковные полностью подчинены в романе задачам политическим; политика насильственно вмешивается и в дела религиозной совести. Мученичество за веру, сначала евангелическую, потом римско-католическую, многим персонажам представляется привлекательным уделом, они с радостью идут на костер или на плаху.

Но в глазах Кромвеля религия и вера – далеко не главное в социуме. Он трудится ради всеобщего блага (*commonwealth*) своей страны, ради роста ее богатства и могущества, и ради этой цели он готов перевернуть ее религиозно-церковное устройство. Наличные в его время религиозные доктрины ему досконально известны, и он применяется к ним в зависимости от обстоятельств. В начале «Волчьего зала» он – правая рука главы английской церкви кардинала Вулси, но втайне сочувствует сектантам: читает Лютера, посещает запрещенные собрания евангелистов, помогает изгнанному из Англии переводчику Евангелия на английский Уильяму Тиндейлу. Кромвель предупреждает друзей, симпатизирующих новым религиозным веяниям, о готовящихся арестах, чтобы они могли уничтожить инкриминирующие документы, пытается спасти их от костра. Герой не разделяет крайностей учения «толстого Мартина», но впитывает его критику католичества, его дух эмансипации личности. Он полагает, что чтение Писания по-английски сломает монополию церкви на обладание истиной, побудит людей мыслить самостоятельно, и автор

неоднократно подчеркивает важность книгопечатного станка и роста грамотности в распространении евангелизма как религии Библии, Книги.

Кромвель не показан за соблюдением религиозных обрядов, внешняя сторона церковной жизни чужда этому человеку дела. Правда, в его кабинете стоит маленький алтарь, но это память о его покойной жене Лиз; из всех книг в романе чаще всего упоминается ее молитвенник, который Кромвель берет в руки не ради молитв, а в моменты воспоминаний о прошлом или чтобы вписать в него даты происходящих семейных событий. Характерно, что в тексте есть только отдельные детали церковных интерьеров: витраж, на котором изображена мать Генриха VIII, позволяет фальшивой пророчице Элизабет Бартон напугать короля рассказом о ее встрече с его покойной матушкой; в пышном облачении, скрывающем беременность, шествует к алтарю в день своей коронации Анна Болейн. Остальные сцены в королевских дворцовых часовнях демонстрируют только привычку короля во время мессы не молиться, а решать государственные дела. Пространство церковей и монастырей в тексте не несет в себе заряда духовности. Кромвель и его домочадцы вовсе не показаны как прихожане, их пространство – пространство частного жилища, лондонских улиц, королевских дворцов, дорог и постоялых дворов Англии. Люди правы, не воспринимая Кромвеля как религиозного человека; будущий архиепископ Кентерберийский Кранмер в момент знакомства признается, что верит байкам о Кромвеле как о нехристе, воспитанном пиратами.

Мера религиозности того или иного персонажа в романе не соотносится напрямую с его человеческими качествами, но в целом справедливо сказать, что чем религиозней персонаж, тем сомнительней его нравственные свойства. Самых неприятных врагов Кромвеля автор наделяет не просто ортодоксальным католицизмом, а смесью из предрассудков христианских и языческих; вот, например, герцог Норфолк: *«Остролицый и остроглазый, Норфолк тощ, как обглоданный мосол, и холоден, как обух топора. Конечности будто на шарнирах и даже тихонько клацают при ходьбе – все дело в мощевиках, которые герцог носит под одеждой: крошечные лохмотья кожи и обрезки волос в образках, осколки костей в медальонах. «Дева Мария!», «Клянусь мессой!» – божится герцог, извлекая на свет свои амулеты из самых неожиданных мест. Пылко припадает к ним губами, призывая святых и мучеников утишить его гнев. – Святой Иуда, дай мне терпение! – восклицает герцог, путая Иуду с*

Иовом <...>» [2: 168]. Напротив, ближайшие соратники Кромвеля не питают никакого почтения ни к святым, ни к таинствам: для его воспитанников облатка и вино святого причастия – просто кусок хлеба и глоток вина.

Здравый смысл Кромвеля подрывает религиозный дискурс как таковой. Главный идейный противник Кромвеля, Томас Мор, ухватывает часть истины, обвиняя Кромвеля в служении «своему иудейскому богу, я имею в виду, идолу Мздоимства» [2: 102]. Поскольку христианам запрещается давать деньги в рост, а Кромвель многих кредитует, Мор как бы в шутку, но упорно называет его «иудеем». Однако Томас Мор в противоположность устоявшейся традиции выведен в «Волчьем зале» как честолюбец, лицемер и религиозный фанатик. В борьбе за чистоту веры всех, у кого обнаружено запрещенное евангелие Тиндейла или немецкие книги, он лично пытается в подвале своего дома в Челси – Мантел опирается на свидетельства современников, до нее не востребованные в художественной литературе. «*Мор говорит, допустимо лгать еретикам или понуждать их к признанию хитростью. Они не имеют права хранить молчание, даже если собственные слова их обличают. <...> Если они молчат, ломайте им пальцы, жгите каленым железом, вздергивайте на дыбу. <...> Это законно, мало того, это богоугодно, – говорит Мор*» [2: 363]. Именно в сопоставлении с Мором автор раскрывает религию Кромвеля: «Мор, прославленный на всю Европу ученый, проснувшись, взывает к Господу на латыни, – его же бог вещает стремительным говором рынков; пока Мор бичует себя плеткой, они с Рейфом бегут на Ломбард-стрит узнать сегодняшние обменные курсы» [2: 102]. После раскола с Римом король назначает Кромвеля, человека буржуазного склада, на изобретенную Генрихом должность главного викария английской церкви, то есть своим заместителем по церковным делам. Лишая церковь средневекового ореола сакральности, Кромвель управляет ею так же, как всеми прочими экономическими и политическими институтами, находящимися в его ведении, исходя из своего видения эпохи: «*But chivalry's day is over. One day soon moss will grow in the tilt yard. The days of the moneylender have arrived, and the days of the swaggering privateer; banker sits down with banker, and kings are their waiting boys*» – «Дни рыцарства минули. Вскоре арены для турниров порастут травой. Пришло время ростовщиков, разжившихся пиратов; банкир восседает с бан-

киром, и короли при них – мальчишки на побегушках»² [3: 141-142].

Роман о Томасе Кромвеле должен быть романом об английской Реформации, потому что исторический Кромвель считается ее главным идеологом и проводником. Мантел показывает, что такие преобразования не проводятся в одиночку, а только с опорой на широкие социальные круги, чей опыт стал частью личного опыта героя. Кромвель с детства знаком с уравнительными настроениями в народе; первая казнь, свидетелем которой он становится в девять лет, – сожжение старухи-лоллардки³, отказывающейся видеть в церковных деревяшках святых. Его разъезды по Англии по делам Вулси убеждают его в бесполезности монастырей. Кромвелю доносят, что во время проповедей в лондонских церквях все чаще из толпы доносятся выкрики, непристойно пародирующие на английском слова латинской службы; лондонские мальчишки высмеивают «фокусы-покусы» священников. Сам герой тесно связан с лондонским Сити, давним рассадником евангелизма. Осуществляя реформу, Кромвель заручается и мнением законников: юрист Сен-Жермен, к которому прислушивается вся Европа, считает, что важно не просто раздавить несогласных, а выиграть общественную дискуссию: «*В Англии нет человека, который не видел бы, что церковь нуждается в реформах, и чем дальше, тем больше; если церковь неспособна сама себя реформировать, пусть ее реформируют король и парламент*» [2: 42]. Парламент, в котором большинство составляют купцы из Сити, помогает Кромвелю, а с королем, чье согласие обеспечит поддержку знати, работают в целях реформы одновременно Кромвель и леди Анна.

В сущности, Кромвель с Анной Болейн одинаково используют евангелизм в своих целях. Она – чтобы ускорить процедуру развода короля и стать королевой, отделаться от старых епископов, хранящих верность Екатерине. Он – чтобы укрепить английский суверенитет, обеспечить преемственность династии, поставить короля во главе государственной церкви, обогатить его, перестать платить десятину Риму. До тех пор, пока цели королевы Анны и Кромвеля не расходятся, они совместно продвигают Реформацию: только Анна может безнаказанно знакомить короля с запрещенными книгами, она подстрекает его стремление к самовластию, контролирует новые назначения в духовенстве. Кромвель же

² Подстрочный перевод наш – И.К.

³ Лолларды – уравнительная антикатолическая секта, преследовалась в Англии в XIV – начале XVI века.

представляет королю аргументы средневекового богослова Марсилиа Падуанского о примате власти королей над властью папы, устрашает епископов и ломает их сопротивление, проводит в парламенте законы о престолонаследии и возвращении английской церкви из-под власти «епископа римского» под власть короля, описывает имущество монастырей, готовя его переход в королевскую казну. Весь этот комплекс мер показан как запутанный клубок причин и следствий; отдельные шаги предпринимаются как средство разрешения сиюминутных проблем общеполитической обстановки. У каждого лица, объективно являющегося агентом Реформации, в ней свой узкий интерес – и только Кромвель имеет в ней надличную цель и общий план действий, которые и осуществляет по мере открытия соответствующих возможностей.

Кромвель в ряде эпизодов романа представлен как сильнейший шахматист, не допускающий ошибок; метафора шахмат важна для понимания его мышления. В каждый момент времени в романе герой совершает тот ход, который выгоден для разыгрываемой им шахматной партии истории, и церковь – пусть важная, но только одна из фигур, влияющих на исход партии. Религиозное же сознание момента перехода от средневековья к Новому времени предстает в романе как сложная смесь общеевропейских религиоз-

ных движений: обветшавшего католицизма, набирающего популярность евангелизма и языческих магических представлений, сохраняющихся в повседневной жизни вопреки многовековому господству христианства.

* * * * *

1. *Мантел Х.* Чернее черного / Пер. А.Килановой. – М.: Эксмо, Домино, 2010. – 496 с.
2. *Мантел Х.* Волчий зал / Пер. Е.Доброхотовой-Майковой и М. Клеветенко. – М.: АСТ-Астрель, 2011. – 672 с.
3. *Mantel, Hilary.* Bring Up the Bodies. – L.: Fourth Estate, 2012. – 411 p.
4. *Brown, Mark.* Hilary Mantel wins man Booker prize for second time // URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2012/oct/16/hilary-mantel-wins-booker-prize> (дата обращения 03.05.13).
5. *Болт Р.* Человек на все времена // Семь английских пьес. – М.: Искусство, 1968. – С. 265 – 379.
6. *Кабанова И.В.* Оценщик рисков: образ Томаса Кромвеля в исторической прозе Хилари Мантел // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, вып. 1. – С. 49 – 57.
7. *Elton, Geoffrey.* The Tudor revolution in government. – Cambridge: Cambridge University Press, 1953. – 465 p.
8. *Elton, Geoffrey.* England under the Tudors. – L.: Routledge, 1991. – 522 p.

THE ISSUE OF RELIGION IN HILARY MANTEL'S CROMWELL NOVELS

I.V.Kabanova

Hilary Mantel's Cromwell novels are analyzed as a panorama of English Reformation under Henry VIII. The figure of Thomas Cromwell is shown as the embodiment of the religious crisis and the emerging bourgeois attitudes to church and religious matters.

Key words: Hilary Mantel, Thomas Cromwell, religious identity, Church.

* * * * *

Кабанова Ирина Валерьевна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского.

E-mail: ivk77@hotmail.com

Поступила в редакцию 27.05.2013